

1886 год

Нерехта, 31 мая. О Боже мой! что за день был сегодня! Этот день для меня важный, потому что я получила хороший аттестат — плод моих трудов за два года. Мне всего только 11 лет, я поступила во второй класс Нерехтской Мариинской женской прогимназии. Итак, сегодня, в субботу, должна была решиться судьба 16 человек! Немногие из этого числа остались, всего пять-шесть, остальные вышли. После раздачи наград и аттестатов наступило время расстаться. Я живо помню, как мы собрались в умывальной и все заплакали. Только учителя и начальница смотрели на это расставанье равнодушно, а некоторые из публики насмеялись над нами. Я была подругой Мани, и, прощаясь, мы так разрыдались, что, кажется, только каменный человек равнодушно смотрел бы на эту картину. Не такие мы девочки, чтобы не плакать о подругах, как думают учителя! Да, много слез было пролито, много было обниманий и целований!

— Никогда я тебя не забуду, пиши, ради Бога, чаще, — слышалось сквозь слезы и рыдания Мани. Классные дамы чуть не плакали, глядя на нас. Милые подруги, все мы друг друга любим, но, может быть, никогда не увидимся.

Мама говорит, что меня отдадут учиться в Сиротский дом в Ярославль. Там живет моя бабушка, мне будет хорошо.

15 августа. Долго, очень долго я не говорила с тобой, мой миленький дневник. Целых 2½ месяца. Такое время для меня очень долгое, и между тем я не могла писать, потому что боялась, чтобы не увидала мама или гувернантка; если они увидят, то будет плохо. Ведь я пишу скверно, будут сме-

яться. Но надо писать. Сегодня мое рождение, с этих пор я буду писать аккуратно, каждый день, или каждую неделю. Мамочка завтра повезет меня в гимназию, я уже все уложила и готова в дорогу. Может быть, я вернусь домой, не знаю. Если не вернусь, прощай, милая Нерехта, сестры и мама, дом, сад и река Солоница!

Н.В. Как бы не забыть сделать себе для дневника новую тетрадь и очинить карандаш...

12 лет!!!

Ярославль, 18 августа. Милый дневник, меня приняли в 4-й класс! Мама рада, а я не знаю — радоваться ли мне или нет. Сегодня утром меня привезли сюда, в гимназию. Как скучно без мамы и без бабушки! Сестры, братья далеко. Я не испугалась множества девочек; напротив, мне стало легче, но все-таки без мамы жить трудно и скучно.

21 сентября. Познакомилась с одной воспитанницей 6-го класса Маней Л. У нее есть большой секрет, который знала только Маня Б., а сегодня и я узнала, что она любит Маню Д. Милая Маруся, измучили мы ее совсем. На меня сейчас рассердилась, и я убежала сюда писать.

22 октября. Опять, опять я долго не писала, милый дневник! Самое название *дневник* происходит от слова *ежедневно*, а я разве каждый день пишу? Много бы, очень много надо написать сюда, но некогда. Все эти дни были полны сомнений, тревоги за себя и за других, и радости, которой, впрочем, было немного... Зачем подружки скрывают от меня все, все? С тобой, мой милый дневник, с одним тобой могу я говорить! и знаю, что хоть от этого мне легче. Ты — тайна для всех, даже и для мамы...

1887 год

Нерехта, 4 января. Новый год. Мы его не встречали, мама за последнее время то довольна, то нет... Скоро мы уезжаем жить из Нерехты в Ярославль... Папа очень болен... Боже, что я там буду делать? Еще зиму прожить в городе ничего, кроме того, в учебном заведении, но летом, что там делать летом? Я так привыкла к чистому свежему воздуху, а в Ярославле?! В эти святки вместо того, чтобы веселиться, наблюдаешь вокруг себя недовольных сестер, братьев, укладку вещей и прислугу, вечно занятую. Теперь все чаще и чаще приходится видеть, как пустеют комнаты...

...Сейчас ударили три раза в колокол, о. Петр, наш духовник, умер. Вчера еще кого-то хоронили. Господи, что же это? Зачем, зачем все эти покойники, пожар, выезд из родины? Больше всего боюсь: вдруг умрет папа, доктора говорят, что он дольше недели не проживет. Мне его очень жаль, мне страшно, сама не знаю чего... Не знаю, что теперь делать? Эта укладка вещей, внезапный переезд — все мне кажется смутным сном. Сознаю я одно: не увижу я больше Нерехты, последний раз теперь дома...

10 января. Сейчас отсоборовали папу. Не могу передать того чувства, которое овладело мною, когда я вошла в его комнату. Мне хотелось плакать, но я не могла, что-то сдавило мне горло. Забывшись, я держала свечу почти над головой, и бабушка меня много раз поправляла. Как не совестно Наде, она стояла в другой комнате, пока соборовали папу, и все время плакала. Что это за нервы некстати. Уж лучше бы молилась.

Боже мой, зачем ты меня не взял к себе, ведь я такой человек, которого «убыль его никому не больна, память о нем никому не нужна» — невольно пришли на мысль стихи Никитина или Некрасова, не знаю.

12 января. Теперь, когда я уезжаю, может быть, надолго из Нерехты, я должна дать себе отчет в том, как я провела Рождество. Нельзя сказать, что весело, а нельзя сказать, что и скучно. Весело быть не могло потому, что мы собирались уезжать и болен папа. Скучно же не могло быть потому, что я была рада увидиться с сестрами и братьями. Кажется, все были рады моему приезду, и день-два все шло хорошо; но, Боже, что стало потом! Драки, ссоры, слезы, все это пришло в действие. Я часто ссорюсь с Валею. Ох, уж эта Валя! Мне кажется, что она похожа на крючок: уколоть кого-нибудь язвительным словом, заметить что-нибудь, потом насмеяться — вот милые привычки моей младшей сестрицы. Что касается до моей другой сестры, Нади, то сплетни, переказы разных городских кумушек составляют ее любимую сферу. Теперь, когда я заметила все дурные стороны моих сестер, надобно сказать и о своих. Я страшно вспыльчива, нетерпелива, упряма, и с этими тремя прекрасными качествами мне приходится жить среди таких сестер, которых характеры решительно не подходят на мой: они обе не вспыльчивы, обе терпеливы, но... обе упрямы, даже, может быть, больше меня. Ну, теперь можно ли сказать, что я прожила здесь весело? Ни в каком случае. Все дни, исключая счастливых часов, которые я была с мамой и в дружбе с сестрами и братьями, были какой-то передрагой, мучительной, бестолковой.

Прощай, дорогая, милая Нерехта, прощайте все подруги, все те места, в которых я проводила счастливейшие минуты моей жизни!..

1888 год

Ярославль. 2 января. Снова начинаю дневник, целых 4 месяца ничего не писала... Мне нисколько не скучно дома одной, напротив — очень весело. Сейчас только что я кончила игру на рояле, и когда играла «Зеленый остров», то мне послышались слова: жизнь вся еще впереди. Это верно. Я начинаю думать, что всякий самый скучный этюд может что-нибудь говорить...

4 января. Сегодня год, как умер о. Петр. Как много изменилось за это время! И я сама стала не та, что прежде, а гораздо хуже. И как не испортиться характеру, если приходится постоянно сердиться то на братьев, то на сестер. Правда, я прежде была лучше, теперь я все возражаю маме. Но... не возражать ей невозможно, потому что мама противоречит сама себе на каждом шагу.

Мои милые братцы с каждым днем становятся хуже, в особенности Володя, он портит Сашу, я это вижу, мне страшно за Сашу и... ничего не могу сделать. Да, ничего не могу, потому что мама запретила мне мешаться в дела детей. Но поневоле вмешиваешься, когда видишь, что характеры их с каждым днем хуже. Пусть Володя делает, что хочет, мне не так его жаль, как Сашу, это мой любимый брат, и если он будет таков, как Володя, то ему придется плохо. Не знаю почему у меня в голове сидит мысль, что Саша рано или поздно с ума сойдет. С тех пор, когда я ласкаю и учу Сашу, эта мысль постоянно приходит мне в голову, и мне так хочется плакать.

Боюсь я, чтобы дневник мой не попался в руки мамы, что тогда будет!..

Ярославль, 5 мая. Я начала вести дневник с 11-ти лет, значит, этому занятию уже около двух лет, но проклятая лень мне мешает писать: я вела дневник с такими перерывами, что и сама им удивляюсь. Сегодня мне захотелось вырваться скорей, скорей из нашей квартиры в Нерехту; я не могла сидеть на месте и бегала до усталости, словно кто толкал меня, из комнаты в комнату. Вечер выдался хороший, я читаю. Только что кончила «Записки лишнего человека» Тургенева. Последний его день, 1 апреля, навел меня на мысли о папе. Вот уже год и 3½ месяца прошло после его смерти, а мне все еще не верится, что он умер. Я и все мы не говорим никогда «покойный папа», а просто «папа», как будто он всегда с нами. Действительно, когда я думаю о нем или гляжу на его портрет в гостиной, я чувствую, что папа жив, что он говорит и чувствует, как мы. Папа никогда не умрет; он всегда со мною, точно так же как и Бог.

Сегодня за французским классом случилось происшествие: Наталья Францевна наказала апельсин. У Насти У-вой был апельсин; от скуки она вынула его из кармана, апельсин, разумеется, пошел по рукам, все начали нюхать его, лизать. Наконец беспорядок был замечен Н.Фр., и после печального признания Насти, что беспорядок причинен апельсином, несчастного вытащили на стол и торжественно накрыли толстой грамматикой; в этом положении апельсин оставался до конца класса.

7 мая. Ха, ха, ха, ха! вот смешное, глупое и печальное приключение! Сегодня, ехавши в баню, я и Надя потеряли по калоше! Это происшествие вызвало целую бурю: мама читала нотацию, Ал. Ник. говорила, что только у Д-ых и могут случаться подобного рода вещи. Перед ужином мы вместе решили, что это проделка нечистой силы; наказание Божие за нерадение к молитве. Надя говорит, что сегодня она не помолилась внимательно, и если утром хорошо не помолиться, то непременно случится несчастье; что если много смеяться, то это не к добру, — я с этим вполне согласна. Я (вот грешница) уже с Рождества читаю только по

три молитвы, и решила наказать себя за небрежность: спать на полу. Валя слушала, да и сказала:

— Дуры! рассуждайте о том, как бесенок ваши калоши утащил, я уйду.

Я и Надя решили, что в каждом человеке есть бес, который соблазняет человека на все дурное. Но ведь сегодня я была в бане; чистая — и вдруг спать на грязном полу! Сегодня мама без ужина оставила за непослушание; это полезно: нужно как можно меньше есть, теперь скоро экзамены. Хорошая Саша, горничная, сжалилась надо мной: оставила котлетку и предложила ее мне; но я испугалась, чтобы мама не увидела, и отказалась... съем завтра, она в шкафу стоит!.. Спорила с Володей: утверждает, что похож на папу, я говорю — на маму. Мысль о папе мне все чаще приходит в голову; что если и я умру? А ведь бес во мне сидит, он меня толкнет прямо в ад! Страшно!

25 мая. Вот так дневник! Ведется через два, а то так и через 12 дней! А что, подумаешь, мешало? Мамы боюсь, лень мешает, читать вечером хочется. Вот 7 слов. Коротко и ясно... Экзамены, экзамены! Страшное слово, а для меня в особенности. Сегодня я неверно решила уравнение. Кажется, готова утопиться при одной этой мысли! Господи! я гадкая, отвратительнейшая из всех в мире — прошу не отказать в одной помощи: дай из математики 3, а из франц. 3. Помогите, Боже, хоть на эти два балла! Внуши, Боже, всему Совету перевести меня. Я не совсем здорова, и слава Богу — никто за мной не ухаживает; напротив, все говорят, что я притворяюсь: ну, последнее-то похуже первого, да наплевать на эти нежности телячьи! Дети отвратительны; узнали, что у меня уши болят — целый день свистят и ворчат; и то и другое сильно отзывается на больной голове. Гадкие! не люблю их. Теперь довольно, — голова болит от писанья.

26 мая. Вот счастье! Второй раз мамы дома нет, писать можно. Сегодня днем был доктор. Он прописал мне душ для продувания ушей, потом велел употреблять ирригатор для промывания носа. Когда им пользуются, то наполняют составом, разведенным на два стакана воды по одной чайной ложке; когда начнут воду пускать в нос, то нужно гово-

ритель «а, не, мо, не». Очень это смешно! Этот доктор, славный человек, нашел меня малокровной, только не очень, а румянец объяснил нежностью сосудов в коже. Сказал, что нужно принимать железо и еще что-то такое, но мама не хочет; я не особенно этим довольна, но притворяюсь покорною маме. Доктор узнает малокровие так: посмотрел мне в рот и заметил, что окраска языка и нёба очень бледна, потом в глаз; потом приставил трубочку к шее и послушал. Еще нашел, что я очень нервна и живо все делаю, и скоро все бросаю; как узнал — для меня неразрешаемая задача... Довольно о докторе. Завтра отправляюсь в Сиротский дом за билетом: если провалюсь — что тогда делать? Как явиться домой? — Нет, убою непременно... как, куда? нужно взять денег на всякий случай, хоть 1 рубль. Убою, убою! Вечный стыд и позор и без этого будет на тебе, так если и убежишь, хуже позора провала нигде не найдешь.

27 мая. Ураа! перешла в 6-й класс! Все рады, а я больше всех. В гимназии, благодаря ужаснейшей свинье N, нашла Катю Е. в отчаянии: она провалилась и, кажется, покушалась на самоубийство, да не удалось. За ней теперь во все глаза смотрят: сидит бледная, как смерть, и ничего не понимает. У-кая, вероятно, скоро умрет; она чахоточная и пол... не могу написать: страшно сказать, до чего довело ее зазубривание всевозможных учебников; теперь она почти ничего не понимает, о своем положении ничего не мыслит. И Маргариту мне очень жаль: я страшно за последние дни сошлась с ней, теперь ее исключили, а впереди бедность, молодость, отчаяние и печаль, бесполезность близким людям и обществу. Она хочет трудиться; труд ей не страшен, но ни одна из профессий, доступных женщинам, ей не подходит: учительницей — места нет; швейей — шить не умеет, и т.д. Я вообще вышла сегодня из Сиротского дома с 3-мя впечатлениями, которые смешались и спутались точно тысяча: 1) радость, что я 6-я, старшая, 2) жалость и ужас ко всем оставшимся и исключенным, в особенности к Маргарите, 3) желание помочь всем несчастным и страстное желание им всех радостей.

«Любите друг друга, отцы. Любите народ Божий. Не святее же мы мирских за то, что сюда пришли и в сих стенах

затворились, а напротив, всякий, сюда пришедший, уже тем самым, что пришел сюда, познал про себя, что он хуже всех мирских и всех и вся на земле. И чем далее потом будет жить инок в стенах своих, тем чувствительнее должен и сознать сие. Ибо, в противном случае, незачем ему было и приходить сюда. Когда же познает, что не только он хуже всех мирских, но и перед всеми людьми за всех и за все виноват, за все грехи людские: мировые и единоличные, то тогда лишь цель нашего единения достигнется. Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за все на земле несомненно, не только по общей, мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле. Сие сознание есть венец пути иноческого, да и всякого на земле человека. *Ибо иноки не иные суть человеки, а лишь только такие, какими и всем на земле людям быть надлежало бы. Тогда лишь и умилилось бы сердце наше в любовь бесконечную, вселенскую, не знающую насыщения. Тогда каждый из вас может весь мир любовью приобрести и слезами своими мировые грехи омыть*¹. Всяк ходи около сердца своего, всяк себе исповедайся неустанно. Греха своего не бойтесь, даже и сознав его, лишь бы покаяние было, но условий с Богом не делайте. Паки говорю не гордитесь. Не гордитесь пред малыми, не гордитесь и пред великим. Не ненавидьте и отвергающих вас, позорящих вас, поносящих вас и на вас клеветующих. Не ненавидьте атеистов, злоучителей, материалистов злых из них, не токмо добрых, ибо и из-за них много добрых, наипаче в наше время. Поминайте их на молитве так: Спаси Господи всех, за кого некому помолиться. Спаси и тех, кто не хочет Тебе молиться. И прибавьте тут же: не по гордости моей молю о сем, Господи, ибо и сам мерзок есмь паче всех и вся.

Народ Божий любите, не отдавайте стада отбивать пришельцам, ибо если заснете в лени и брезгливой гордости вашей, и пуще в корыстолюбии, то придут со всех стран и отобьют у вас стадо ваше. Толкуйте Евангелие народу неустанно... Не лихоимствуйте. Сребра и золота не любите, не держите... Веруйте и знамя держите. Высоко возносите его».

2 июня. На днях была в концерте. Играли прелюдию Мендельсона... Мне показалось, что все волны, южные и север-